

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. П. Яйленко

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ РЕК И НАРОДОВ ГЕРОДОВОЙ СКИФИИ

Многokратно исследовавшие данные четвертой книги Геродота о Скифии получили в последнее время свежую, оригинальную интерпретацию, во многом углубившую наши представления о юге СССР скифского периода, — я имею в виду вышедшую в 1979 г. монографию Б. А. Рыбакова «Геродотова Скифия. Историко-географический анализ», в которой рассмотрены такие вопросы, как письменные и устные источники Геродота, общий облик Скифии, ее природная среда, археологический фон, путешествия галикарнасского историка по Северному Причерноморью, скифский поход Дария, гипотеза о сколотах как праславянах и т. д. В соответствии с поставленными задачами проводится анализ данных четвертой книги Геродота, отличающийся логичной последовательностью, большой ясностью, может быть, иной раз в ущерб полноте исследования, трезвостью суждений опытного мастера. У читателя остается четкое представление о позиции автора по тому или иному исследованному вопросу. Этот труд надолго станет настольной книгой специалистов, занимающихся интерпретацией данных Геродота о Восточной Европе середины I тысячелетия до н. э. Без сомнения, данная Б. А. Рыбаковым интерпретация многих проблем скифологии вызовет отклики специалистов, поскольку, как он справедливо отметил, анализ сведений Геродота о Скифии и скифах еще далек от завершения. Мне хотелось бы остановиться здесь в связи с этим на двух кардинальных проблемах, подробно исследованных им, — идентификации рек и народов Геродотовой Скифии.

Рекам Скифии посвящена первая глава названной монографии (с. 26—62). Предварительно Б. А. Рыбаков определяет абсолютную величину (в километрах) системы измерений, использовавшихся Геродотом, — дни пути по суше и по воде. День плавания по реке установлен в пределах 32,5—36 км, день конного пути по земле — 35,5 км (с. 21—29, 32). Далее приводится общий список рек Скифии по данным Геродота. Помимо Дуная и его притоков это следующие реки: Тирас (Днестр), Гипанис, его приток Эксампай, Борисфен (Днепр), Пантикап, Гипакирис, Герр, Танаис, Гиргис (вариант — Сиргис), Оар, Лик. В скобках указаны безусловно отождествленные реки, так что по одному этому перечню читатель может судить, сколь малой определенностью располагает современная наука в этом вопросе. Б. А. Рыбаков внес существенный вклад в решение данной проблематики.

Наиболее значительным его достижением мне представляется определение течения Танаиса. Опираясь на градусные координаты Птолемея, данные Геродота и древнерусскую традицию, Б. А. Рыбаков бесспорно, на мой взгляд, показал, что в древности под Танаисом понимался Северский Донец и низовье Дона (с. 27—28, 43, 50—54). Здесь проходила граница между скифским и сарматским миром в V—IV вв. до н. э.

Б. А. Рыбаков по-новому определил и течение Гипаниса. Он обратил внимание на то, что указанная Геродотом длина этой реки равнялась девяти дням плавания (около 324 км), что значительно меньше длины современного Южного Буга от истоков до Днепровского лимана

(806 км)¹. В связи с этим Б. А. Рыбаков предложил понимать под Гипанисом Горный Тикич, Синюху и нижнее течение р. Южный Буг. По его мнению, если так определять течение Гипаниса, сообщение Геродота об озере, из которого вытекает Гипанис, и о встречающихся там диких конях соответствует действительности. К известию о диких конях он приводит хорошую параллель из «Поучения» Владимира Мономаха, сообщающего о ловле их князем на Роси, протекающей неподалеку от Тикичей. По поводу горького Эксампия Б. А. Рыбаков отмечает, что левые притоки Буга и Синюхи содержат фосфатные и медистые примеси, ухудшающие качество их вод. Наиболее вероятным, по его мнению, является отождествление Эксампия с Черным Ташлыком.

Предложенное Б. А. Рыбаковым определение течения Гипаниса имеет как сильные, так и слабые стороны. В пользу его гипотезы говорит соответствие длины реки данным Геродота и в какой-то мере упоминание о диких конях. Известие об озере, из которого, по Геродоту, вытекает Гипанис и отождествление его с озерной системой Тикичей не говорит ни о чем, так как давно уже было отмечено, что упоминание об озере, из которого берет начало та или иная река, является общим местом у Геродота².

Вместе с тем гипотеза Б. А. Рыбакова наталкивается на существенные препятствия. Геродот отмечает, что Гипанис — большая река и очень немногие могут сравниться с нею по величине (ποταμὸν ἐν ὀλίγοις μέγαν, § 52). Ограничение течения реки Горным Тикичем, Синюхой и низовьями Буга существенно противоречит этому свидетельству, хотя и совпадает с указанными Геродотом девятью днями плавания по реке. Основное же противоречие заключается в том, что, по словам Геродота, «Тирас и Гипанис сближают свои верховья³ в земле алазонов (συνάγουσι δὲ τὰ τέρματα ὁ τε Τύρας καὶ ὁ Ὑπανίς κατὰ Ἀλαζόνων), после которой (τὸ δὲ ἀπὸ τούτου, sc. χώρου Ἀλαζόνων) они расходятся и промежуток между ними расширяется» (§ 52). Описывая это, Геродот как будто смотрел на современную географическую карту: действительно, в среднем, а в какой-то мере и в верхнем течении Днестр и Южный Буг идут параллельно друг другу и, немного не доходя до южной границы Лесостепи, расходятся. Если же, следуя Б. А. Рыбакову, принимать за верхнее течение Гипаниса Тикич и Синюху, картина приобретает совершенно иной характер: Горный Тикич течет на восток и юго-восток, Синюха — на юг, с небольшим отклонением к западу, и впадает в Буг. Иными словами, параллельного течения у Тикича — Синюхи и Днестра нет. Таким образом, уже одно указание Геродота на сближение (параллельность) течений Тираса и Гипаниса в земле алазонов заставляет идентифицировать последний с Южным Бугом.

Мне кажется, что противоречие между оценкой Геродотом Гипаниса как одной из самых больших рек (чему соответствует отождествление его с Южным Бугом) и указанной им длиной реки всего в девять дней плавания вызвано небольшой неточностью выражения, допущенной здесь греческим историком. Он описывает течение реки следующим образом: вытекая из скифской земли, из большого озера, Гипанис «на

¹ Это длина реки, указанная в Большой советской энциклопедии (М., 1978, т. 30, стб. 1170), по Б. А. Рыбакову, длина реки до Николаева «равна почти 600 км» (с. 31).

² Современный Южный Буг вытекает из болот на Подольской возвышенности, которые могут быть приняты за «озеро» Геродота.

³ Если переводить точно, то τέρματα — это, собственно, верховья, верхнее течение реки. Более расширительно понимали это слово в приведенном контексте Лидделл, Скотт, Джоунз (A Greek-English Lexicon (далее — LSJ). Oxford, 1968, p. 1777): συνάγουσι τὰ τέρματα (о двух реках) — они сужают свои пределы (contract their bounds), т. е. текут вместе и таким образом сужают пространство между собой. Поскольку Южный Буг начинает параллельное Днестру течение уже в своих верховьях, τὰ τέρματα следует понимать как «верховья». Κατὰ с винительным падежом имеет значение «на, по, через» определенное пространство (LSJ, s. v., B I, 2), т. е. «в земле алазонов». Перевод Е. Бессмертного (Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. В. 1. СПб., 1893, с. 23) «около земли алазонов», которого придерживается Б. А. Рыбаков, неточен, чему обязана, как мы увидим далее, ошибочная локализация алазонов в степи.

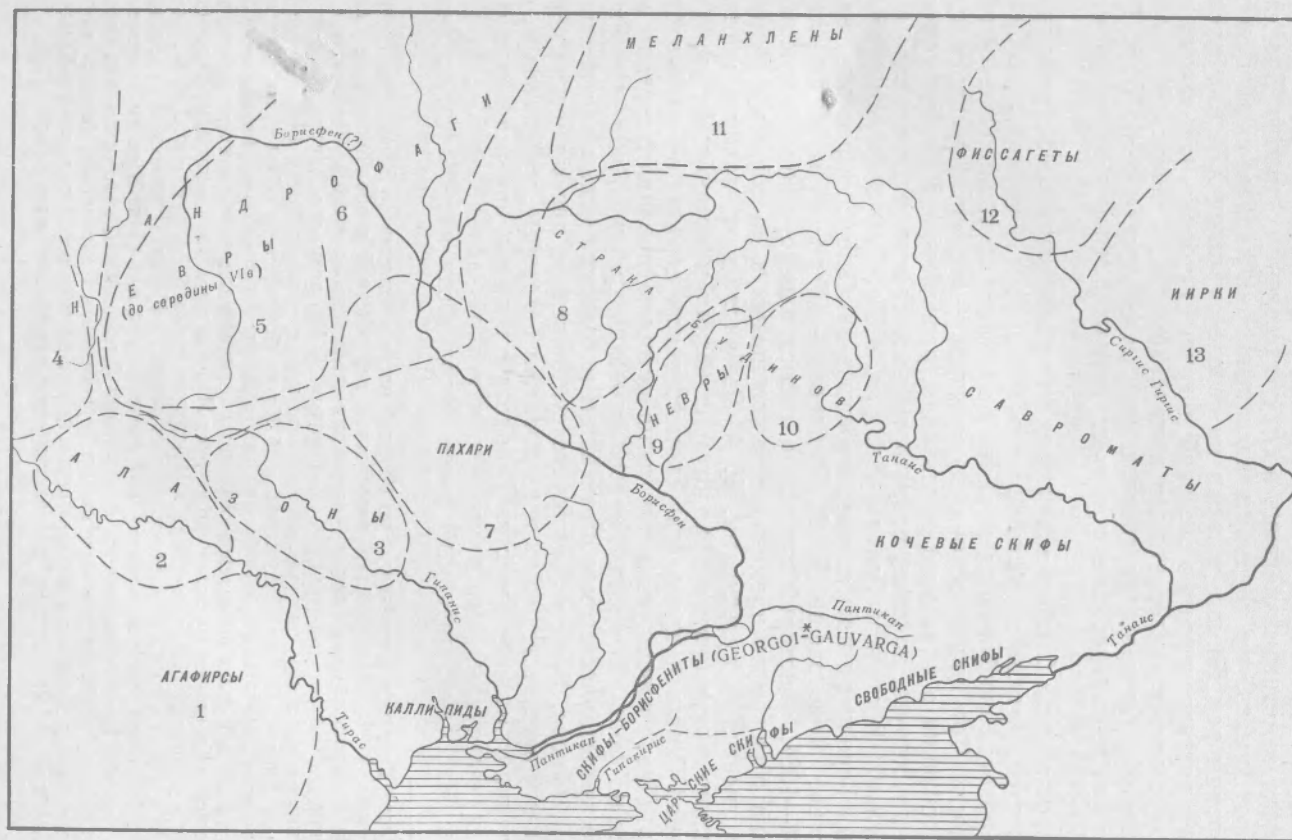
«протяжении примерно пяти дней плавания неглубок и пресен еще, а отсюда (ἀλλο δὲ τοῦτον) до моря на протяжении четырех дней плавания он ужасно горек» вследствие того, что с ним здесь смешивается горький приток Эксампай (§ 52). Геродот описывает тут два отрезка реки, на протяжении которых она судоходна: в пять и четыре дня плавания. Это свидетельство соответствует нынешнему течению Южного Буга, который судоходен в своей верхней части — к северу и югу от Винницы, и в нижней — от Воскресенска до Днепро-Бугского лимана. Не вполне точное выражение ἀλλο δὲ τοῦτον создало впечатление, что судоходные отрезки реки в пять и четыре дня плавания следуют один за другим, т. е. общая длина Гипаниса измеряется девятью днями плавания. На самом деле Геродот имел в виду только верхнюю и нижнюю судоходные части Гипаниса, не упоминая о его порожи́стом среднем течении. Эта небольшая неточность, даже лучше сказать недомолвка, и создает указанное противоречие. Таким образом, девять дней плавания — это только судоходная часть Гипаниса — Южного Буга, Геродот говорит только о ней, а не обо всем течении реки.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что под Гипанисом следует подразумевать Южный Буг, а не предложенное Б. А. Рыбаковым течение Тикича, Синюха и низовьев Буга.

«Одной из главных загадок Геродотовой географии является река Пантикапа, важная как ориентир при определении Земледельческой Скифии и скифов-кочевников», — справедливо пишет Б. А. Рыбаков. Он предложил свою идентификацию Пантикапа — с Ворсклой. Эта гипотеза примиряла основное противоречие в описании Геродота — скифы γεωργοί помещались галикарнассцем в степи, где земледельцев, по совершенно справедливой мысли Б. А. Рыбакова, не было и не могло быть. Предложенная им идентификация до недавнего времени казалась (по крайней мере мне) наиболее обоснованной из имеющихся в литературе. Но теперь этот вопрос получил новое освещение в свете гипотезы В. И. Абаева о том, что скифы-γεωργοί, непонятным образом отличающиеся Геродотом от скифов-ἄροτῆρες (эти греческие слова — синонимы), характеристики хозяйства которых в отличие от ἄροτῆρες он не дал, вовсе не были земледельцами. По блестящей догадке В. И. Абаева, γεωργοί является греческой адаптацией иранского названия этих скифов *gauvarga — «почитающие скот»⁴. Тем самым отпала необходимость локализации скифов γεωργοί в Лесостепи, предложенная Б. А. Рыбаковым, для чего ему пришлось прибегнуть к явно произвольному допущению о двух Гилеях в рассказе Геродота. С разъяснением В. И. Абаева и в полном соответствии с рассказом галикарнассца γεωργοί теперь без каких-либо препятствий могут быть локализованы в степной зоне: «А по переправе через Борисфен первой от моря будет Гилея, в направлении же вверх от нее обретаются скифы γεωργοί, которых живущие на реке Гипанис эллины называют борисфенитами... Эти скифы γεωργοί обитают к востоку на три дня пути, простираясь до реки, называемой Пантикап, а к северу, вверх по течению Борисфена, — на 11 дней плавания» (§ 18). И далее (§ 53): Борисфен «известен до местности Герр, до которой 40 дней плавания с севера. Никто не может сказать, через землю каких людей он протекает выше. Кажется, он (с севера) протекает через пустынную местность до страны скифов γεωργοί. Эти-то скифы живут вдоль него примерно на 10 дней плавания» (далее Геродот отмечает, что никому из эллинов не известны в общем истоки Борисфена).

Поскольку скифы γεωργοί — *gauvarga жили на протяжении 10—11 дней плавания от моря (точкой отсчета должна быть Ольвия, где Геродот получал информацию о скифах), страна их обитания тянулась примерно на 320 км вверх до так называемого Герра, т. е. до днепровских порогов. Это обстоятельство элиминирует предложенные Б. А. Рыбаковым идентификации Пантикапа с Ворсклой и Гипакириса — с Конкой плюс высохшее русло до Каланчака. Локализация Геродотом север-

⁴ Абаев В. И. Геродотовские Skythai — georgoi. Вопросы языкознания, 1981, № 2, с. 74—76.

Народы и реки Геродотовой Скифии. На карте цифрами обозначены археологические культуры и их подразделения (даны по карте из книги «Археология Украинської РСР» — т. 2, вклейка между с. 32—33), надписями — идентифицированные автором с археологическими культурами народы Скифии (по Геродоту). В экспликации в скобках названы народы Скифии, идентифицированные Рыбаковым. 1 — молдавская группа скифской культуры (агафирсы), 2 — западноподольская группа (пахари), 3 — восточноподольская группа (пахари), 4 — позднелысоцкая культура, 5 — волынская группа, 6 — милоградская культура (невры), 7 — киевская группа (пахари), 8 — посульская группа (гелоны или гелонобудины), 9 — поворсклинская группа (то же), 10 — северско-донецкая группа (то же), 11 — юхновская культура (будины), 12 — культура воронежских курганов (апостаты), 13 — среднедонская культура (меланхлены)

ной границы обитания γερῶν — *gauvargā у Пантикапа предполагает, как уже давно думали, что Пантикапу соответствует Конка, которая, как выяснил Б. А. Рыбаков по крупномасштабным картам (с. 48), идет от Никополя параллельно Днепру еще 220 км и впадает в море Збурьевским гирлом. Это соответствует Геродотову описанию Пантикапа (ср. прилагаемую здесь карту): данная река переплетается с протоками Борисфена и протекает через Гилею (§ 18, 54) ⁵.

Если Пантикап — это Конка, то Гипакирис — это, вероятно, Каркинит Птолемея, как его понимал Ф. А. Браун (Каланчак плюс его высохшее русло — Серогозская балка, идущая из Гавриловских болот) ⁶. Течение реки Герр наименее ясно. Если это, как давно предполагалось, нынешняя река Молочная, то следует думать (на основании указания Геродота о Герре как притоке Гипакириса — § 56), что в древности Молочная не впадала в Азовское море, а текла в направлении Серогозских балок, где сливалась с Гипакирисом. Как известно, гидрография Херсонщины и левобережной Запорожщины за последние два столетия претерпела заметные изменения в силу естественных причин. Это дает основание думать, что трудности идентификации нарисованной Геродотом картины рек данного региона на основе ситуации XIX в. объясняются не противоречивостью сведений древнего историка, как охотно допускали многие исследователи, а изменением гидрографии. (В связи с этим хотелось бы привести справедливое методическое credo Б. А. Рыбакова: к сведениям «отца истории» следует относиться с доверием, «его надо понять».)

Вопрос о реках Скифии значителен не только сам по себе: реки представляют собой один из важнейших ориентиров в локализации описанных Геродотом скифских племен, что составляет центральную проблему скифологии. Три других основных ориентира — это приводимые Геродотом расстояния в днях пути и плавания, расположение племен относительно друг друга, наконец, территориальное соотношение археологических культур Восточной Европы V в. до н. э. Вопросы локализации упомянутых Геродотом племен рассмотрены в наиболее интересной и важной главе монографии Б. А. Рыбакова — «Геродот и археология» (с. 104—168), в которой проведено сопоставление данных греческого историка о скифских племенах с выявленными к настоящему времени археологическими культурами. Б. А. Рыбаков дает полную картину расселения упоминаемых Геродотом скифских и нескифских народов Восточной Европы в археологическом контексте середины I тысячелетия до н. э. Иначе говоря, сведения «отца истории» проанализированы как система на фоне синхронных археологических культур Восточной Европы, что представляется мне важнейшим методологическим достижением Б. А. Рыбакова. В этом состоит его существенное преимущество перед попытками предшественников исследователей, которые, как правило, сопоставляли отдельные известия Геродота с изолированными археологическими культурами, что приводило к разной локализации скифских племен. Насколько подобный прием методически несостоятелен, видно

⁵ Слова Геродота о пустынной по большей части местности по Борисфену к северу от γερῶν (§ 18), надо думать, относятся к незаселенной свободной полосе между Днестром и посульско-поворсклинской группами скифских памятников. Что касается зоны обитания борисфенитов-γερῶν, то Геродот (§ 19) называет Пантикап границей между ними и кочевыми скифами, что соответствует верховьям Конки (до ее слияния с протоками Днестра). Именно вдоль верховий Конки борисфениты обитали на три дня пути к востоку ἐπὶ ποταμῷ τῷ οὐνοῦ καὶ τῷ Παντικαπῷ «по реке, называемой Пантикап» (§ 18). Обычно выражение ἐπὶ ποταμῷ понимали здесь как «до реки», т. е. борисфениты обитали на пространстве до реки Пантикап, но ἐπὶ с винительным падежом означает и протяженность в пространстве «по чему-либо» (LSJ, s. v. ἐπὶ C, I, 5), что согласуется с восточным направлением течения верховья Конки и указанием Геродота на обитание борисфенитов к востоку от Борисфена на три дня пути. В своем среднем и нижнем течении Конка смешивается с протоками Днестра, и это дало основание Геродоту сказать, что борисфениты живут между Борисфеном и Пантикапом (μεταξὺ τοῦτον, § 54), т. е. между Днестром и подходящим к нему с востока верхним течением Конки.

⁶ Браун Ф. А. Разыскания в области гото-славянских отношений. Спб., 1899, с. 219—221.

на примере различных локализаций неуров. Б. А. Рыбаков свел все предлагавшиеся локализации неуров в карте на с. 13, из которой видно, что разные историки помещали это племя в междуречье Припяти и Десны, в Прибалтике, в верховьях Оки, на Дону, между Днестром и Северским Донцом, в бассейне Камы, между Уралом и Волгой, Приазовьем и Каспием.

Изложу сначала основные выводы Б. А. Рыбакова по вопросу о локализации упоминаемых Геродотом народов Скифии. Предварительно он четко обосновал тезис о различии зон обитания кочевых и земледельческих скифов. Он показал, что при многократном и недвусмысленном определении Геродотом скифского образа жизни как кочевого, при чисто кочевническом характере изображений на металлических изделиях из скифских курганов, допущение о наличии оседлых земледельцев в степной полосе, сделанное многими исследователями, является ошибочным.

Б. А. Рыбаков рассматривает общую территорию скифских археологических культур, распространившихся в VI—IV вв. до н. э. на огромном пространстве — в степи и Лесостепи от Днестра до Северского Донца. Эта единая культурная общность, как установлено советскими археологами, делится на следующие условные археологические группы: степная, киевская, восточноподольская, западноподольская, посульская, поворосклинская, северско-донецкая, воронежская, волынская и молдавская. В степной зоне скифские памятники прослежены не везде — их немного в так называемой Малой Скифии между низовьями Дуная и Днестра, а также между излучиной Днестра и Северским Донцом, что отражает специфику материальной культуры кочевого населения. Б. А. Рыбаков отмечает, что «скифский четырехугольник» Геродота (700×700 км от устья Дуная до крайнего угла Меотиды и к северу от этой линии) «довольно точно совпадает по объему и местоположению с археологическим ареалом культур скифского типа» (с. 112).

Сначала Б. А. Рыбаков рассматривает вопрос о царских скифах. Идентификация с ними степной скифской культуры была сделана давно и носит безусловный характер. Исследователи справедливо констатировали, что единственными памятниками кочевых скифов являются курганы. Б. А. Рыбаков считает, что местонахождение царских курганов к западу от днепровских порогов, южнее Конки и у Молочной, полностью соответствует данным Геродота. Хотя в литературе отмечалось, что царские курганы на этой территории относятся к послегеродотовскому времени, видимо, к середине V в. скифский погребальный обряд в том виде, как его описал греческий историк, уже сложился⁷. Согласно данным галикарнассца, территория царских скифов простиралась к востоку от Пантикапа до Танаиса, на юге, в Таврике, — до «рва», а в степном Приазовье — до Кремн (§ 20). Б. А. Рыбаков указывает, что отсутствие курганов царских скифов в Северном Приазовье не служит аргументом против сведений Геродота: «Степи между Молочной и Нижним Доном могли быть районом кочевий беднейших скифских племен», оттесненных царскими скифами с богатейших пастбищ Нижнего Днестра и степного Крыма. Эти скифы-кочевники «могли находиться в известной зависимости от царских скифов, чем и объясняется формула Геродота: владения базилидов частично доходят до Танаиса» (с. 114—115). К этому резонному объяснению Б. А. Рыбакова следует добавить, что в тексте Геродота речь идет не о «частичных владениях» базилидов до Танаиса (это погрешность перевода), а о том, что владения царских скифов на востоке вплотную подходят к Танаису (τὰ δὲ αὐτῶν κατήκουσι ἐπὶ ποταμὸν Τάναϊν, § 20)⁸. Справедливо отметив указание Геродота о скифах-номадах к востоку от Пантикапа до Танаиса, Б. А. Рыбаков упустил из виду «свободных» (ἐλευθεροί) скифов § 110. Судя по изложению галикарнассца, Кремны были границей владений царских и свободных ски-

⁷ См. Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974, с. 72.

⁸ Здесь τὰ=τὰ καλεῖμενα βασιλῆα «так называемые царские владения» начала того же § 20. Ἐπὶ с винительным падежом при глаголах движения обязательно выражает контакт с объектом направления движения (река Танаис).

фов в Приазовье, т. е. Приазовьем от Танаиса до Кремн владели свободные скифы, и только обитавшие к северу от них между Пантикапом и Северским Донцом номады зависели от царских скифов. В этом смысле и надо понимать сообщение Геродота о владениях базилидов, доходивших до Танаиса, как и показал Б. А. Рыбаков.

В целом нарисованная Б. А. Рыбаковым картина расселения народов Восточной Европы по данным Геродота, сопоставленным с археологическими культурами, выглядит следующим образом. Он принимает предложенную рядом ученых идентификацию неуров с милоградской культурой Южной Белоруссии, фиссагетов — с городецкой культурой, скифов ἄροτῆρες — с лесостепными группами скифской культуры днепровского Правобережья: киевской, восточно- и западноподольской. Будинов Б. А. Рыбаков отождествляет с юхновской культурой, гелонов (или гелоно-будинов) — с посульской, северско-донецкой и частично поворсклинской группами скифской культуры днепровского Левобережья. Андрофагов Б. А. Рыбаков идентифицирует с днепро-двинской культурой, скифов «отступников» — со скифской культурой воронежских курганов, меланхленов — со скифоидной среднедонской культурой, агафирсов — с памятниками молдавской группы к западу от Днестра.

Предложенная Б. А. Рыбаковым схема расселения геродотовских племен Восточной Европы широко аргументирована и имеет ряд привлекательных сторон. Она обладает большими достоинствами сравнительно с предыдущими, в первую очередь благодаря широкой и разнообразной системе доказательств. Данные Геродота объяснены в концепции Б. А. Рыбакова как элементы единого целого, единой системы, обрисованной Геродотом и подтвержденной археологией. Эта концепция является серьезным достижением современной скифологии. Сказанное, разумеется, не означает, что все уже определено Б. А. Рыбаковым и вопрос может считаться исчерпанным, — проблемы идентификации геродотовских племен с той или иной археологической культурой Восточной Европы еще долго будут оставаться предметом дискуссии. Значение его монографии заключается в основном в том, что она является образцом для будущих исследований: благодаря ей теперь очевидна бесплодность отдельных отождествлений какого-либо народа с той или иной культурой, только анализ всей системы Геродота на широком археологическом фоне может принести плоды.

В пределах статьи нет возможности дать подробный анализ крупномасштабной схемы Б. А. Рыбакова, поэтому я позволю себе только высказывать сомнение по поводу ее звеньев⁹. Б. А. Рыбаков характеризует скифов ἄροτῆρες и γερουοί как единое племя борисфенитов и связывает с ними киевскую, восточно- и западноподольскую, а также частично поворсклинскую группы скифских памятников Лесостепи. Между тем слова Геродота о параллельном течении верховий Тираса и Гипаниса в земле алазонов (συνάγουσι δὲ τὰ τέρματα ὁ τε Τύρρις καὶ ὁ Ὑπάνις κατὰ Ἀλαζόνας, § 52), как мы видели, указывают на течение современных Днестра и Южного Буга, а это в свою очередь свидетельствует об алазонской принадлежности скифских памятников данного междуречья, а также левого берега Гипаниса, где, по Геродоту, Эксампай служил границей между пахарями и алазонами. Иными словами, это означает, что пахарям принадлежит киевская группа памятников, а алазонам — восточноподольская и, может быть, западноподольская. Б. А. Рыбаков характеризует алазонов как кочевников, а место их обитания называет «пустынными кочевьями» (с. 127), что противоречит не только свидетельству галикарнассца о том, что верховья Тираса и Гипаниса текут через земли алазонов, но и его хозяйственной характеристике алазонов и каллипидов, которые «в остальном ведут хозяйство по-скифски, но хлеб и сеют и употребляют в пищу, а также лук, чеснок, бобы и просо» (§ 17). Это свидетельство не позволяет согласиться с предложенным

⁹ Мое общее представление о расселении племен, упоминающихся Геродотом, см. на карте.

Б. А. Рыбаковым определением каллипидов как земледельцев, а алазонов — как кочевников. И те и другие — земледельцы, и уже в силу этого алазоны должны локализоваться в Лесостепи. (Каллипиды, по-видимому, обитали в непосредственной близости от Ольвии, формально соответствуя позднейшим миксэллинам протогеновского декрета и составляя население ольвийской хоры архаического времени, удалившееся на Гипанис выше лимана в связи с резким сокращением системы сельских поселений Ольвии в первой половине V в. до н. э.).

Перейдем к лесостепному днепровскому Левобережью. Связь скифской культуры поворсклинцев и посульцев со скифами $\gamma\epsilon\omega\rho\upsilon\omicron\iota$, постулируемая Б. А. Рыбаковым, возможна и необходима в том случае, если последние обитали не на Нижнем Днепре, как это явствует из Геродота, а на Среднем, где, согласно Б. А. Рыбакову, была еще одна Гилея. Если же принимать объяснение В. И. Абаева о $\gamma\epsilon\omega\rho\upsilon\omicron\iota$ как греческой адаптации иранского названия *guavargā, — а это объяснение своей естественностью более предпочтительно, чем предположение о двух Гилеях — то окажется, что $\gamma\epsilon\omega\rho\upsilon\omicron\iota$ обитали в низовьях днепровского Левобережья, а не в Лесостепи. Таким образом, скифы лесостепного Левобережья — это не $\gamma\epsilon\omega\rho\upsilon\omicron\iota$ и не борисфениты, а другие геродотовские племена.

Я позволю себе усомниться даже в такой устоявшейся, широко принятой в науке гипотезе, как идентификация невров с милоградцами (О. Н. Мельникова, В. А. Ильинская, Б. А. Рыбаков и другие исследователи), а следовательно, и в предположении Б. А. Рыбакова о связи будинов с юхновской культурой. Слов нет, отмеченная О. Н. Мельниковской и принятая Б. А. Рыбаковым связь между проникновением милоградцев на территорию юхновцев и известием Геродота о переселении невров в землю будинов кажется убедительной. Но в результате такая локализация будинов вступает в противоречие с данными Геродота, а именно: «По переходе через Танаис — земля савроматов, простирающаяся к северу на пятнадцать дней пути. Над ними живут ($\beta\lambda\epsilon\rho\omicron\iota\chi\omicron\upsilon\omicron\varsigma\iota$) будины» (§ 21). Танаис, как безусловно выяснил Б. А. Рыбаков, — это Северский Донец плюс нижнее течение Дона. Длина одного Северского Донца — 1053 км, следовательно, 15 дней пути по земле савроматов (а отсчет идет от устья Дона) приходятся только на часть течения Северского Донца. Следовательно, территория будинов, северных соседей савроматов, хоть какой-то своей частью должна соответствовать по крайней мере верхнему течению Северского Донца. Конечно, путь по безлесной степи в 15 дней намного короче 15 дней плавания по реке, даже такой спокойной, как Северский Донец, но он и по прямой никак не может перекрыть все тысячекилометровое протяжение данной реки до земли будинов, тем более что ее среднее и верхнее течение проходит через песчаные почвы, покрытые хвойными лесами. Между тем Б. А. Рыбаков откладывает на карте по прямой 525 км, соответствующие 15 дням пути, и достигает таким образом южной оконечности юхновского ареала (с. 161—162). И в других разделах своей книги он широко пользуется данными Геродота о расстояниях — это большой плюс работы в целом, но полученные исследователем расстояния не могут по карте в точности соответствовать действительности, особенно если речь идет о лесостепной или лесной зонах. Геродот давал практические расстояния итинерария, а не условные картографические: от пункта А до пункта Б столько-то дней пути, но этот путь был не идеально прямым, как на картах Б. А. Рыбакова, а вполне конкретным, учитывавшим рельеф данной местности. Дорога могла отклоняться от прямой линии, петлять в зависимости от водоемов, рек, лесов, возвышенностей и т. д., словом, расстояние в один день пути, по Геродоту, равное 200 стадиям (§ 101), на карте не будет соответствовать 35—37 километрам по прямой, это всегда меньшее расстояние. Б. А. Рыбаков в своих расчетах не учитывает такой поправки, отчего данные им расстояния на картах всегда завышены, что видно, например, при определении территории будинов: пределы юхновской культуры лежат

значительно выше верховьев Танаиса — Северского Донца, служившего Геродоту ориентиром для определения местоположения будинов. И не случайно поэтому Бодинская гора Птолемея, которая явно по своему значению связана с территорией будинов, не попадает в предложенный Б. А. Рыбаковым будинский ареал, а остается к югу от юхновской территории (см. его карту на с. 167).

Наконец, отождествление будинов с юхновской культурой, а меланхленов — со среднедонской дает следующий порядок расселения племен в широтном направлении: невры, будины, меланхлены, причем андрофагам не находится места между неврами и будинами. Между тем Геродот перечисляет соседящие со Скифией народы в ином порядке: «От Истра к северу в направлении к срединной части земли (*κατὰ μέρος ἐς τὴν μεσούλαιαν φέροντα*) Скифия огораживается (*αποκλίνεται*) сперва агафирсами, затем неврами, потом андрофагами, наконец, меланхленами» (§ 100). Агафирсы — обитатели Заднепровья, они западные соседи скифов, остальные — северные соседи (границей Скифии и Невриды служат истоки Тираса, § 51, невры живут выше пахарей, § 17). С востока Скифия «огораживается» по Танаису савроматами и будинами (§ 21).

Эти данные о последовательности расположения соседних со Скифией народов не соответствуют отождествлениям, предложенным Б. А. Рыбаковым. Кроме того, вопреки его уверению, идентификация невров с милоградцами не является «удовлетворяющей всем записям Геродота» (с. 148) — «отец истории» дает для территории невров один определенный ориентир: по истокам Тираса проходит граница Скифии и Невриды (§ 51). Ареал милоградской культуры далеко не достигает истоков Днестра, он лежит к северо-востоку, следовательно, отождествление невров с милоградцами не удовлетворяет этому важнейшему указанию Геродота. Вопрос о местоположении Невриды обязательно должен рассматриваться с учетом сообщения Геродота о том, что «за одно поколение до похода Дария им (неврам) пришлось покинуть из-за змей всю свою страну (*κατ' ἅρῃ ἐκίλεῖν τὴν χώραν πᾶσαν*, § 105)». Это означает что земля, занимаемая неврами, лишилась в VI в. если не всего, то значительной части своего населения, так что лишь по традиции она называлась Невридой (§ 51). Не случайно поэтому в § 51 говорится об истоках Тираса как границе между скифской и невридской землей, а не между скифами и неврами, хотя тут же, в следующем § 52, Эксампай назван границей не между странами, а между племенами — алазонами и пахарями¹⁰. В археологическом плане этому сообщению должна соответствовать культура скифского или скифоидного типа («у невров — скифские обычаи», § 105), практически сошедшая на нет во второй половине VI в. до н. э. Между тем милоградская культура, с которой Б. А. Рыбаков вслед за О. Н. Мельниковской и другими исследователями связывает невров, бытовала в VI—III вв. до н. э. Это само по себе вступает в противоречие со сведениями Геродота, несмотря на проникновение милоградцев на юхновскую территорию, что Б. А. Рыбаков связывал с переселением невров к будинам.

В связи с этим сообщением Геродота привлекает внимание то обстоятельство, что волынская группа скифских памятников представлена преимущественно археологическими остатками архаического времени, тогда как памятники V—III вв. до н. э. здесь редки¹¹. Это необычное для других групп скифской культуры явление может объясняться упомянутым выселением невров из своей страны, тем более что оно соот-

¹⁰ Упоминание о неврах и их стране в «агафирском логосе» (§ 125), великолепно выделенном Б. А. Рыбаковым в числе источников рассказа Геродота о походе Дария на Скифию, как и упоминание царя невров в рассказе о «совещании царей» после вторжения Дария в Скифию (§ 119), разумеется, носит целиком легендарный характер. Упоминание невров в числе «огораживавших» Скифию народов (§ 100) подразумевает, надо полагать, этническую ситуацию до переселения невров к будинам.

¹¹ *Иллінська В. А., Тереножкін О. І.* Скифський період. — *Археологія Української РСР*, т. 2, Київ: Наук. думка, 1971, с. 102—103.

ветствует указанию Геродота об обитании невов выше пахарей (§ 17). Другая точно определенная галикарнасцем часть страны невов — у истоков Тираса (§ 51) — приходится на Прикарпатье, где скифская культура еще не выделена и лишь кое-где сохранились до V в. до н. э. памятники поздневысоцкой культуры. Все это указывает на прикарпатско-волинский ареал обитания невов до их переселения в страну будинов. Когда невов покинули свою территорию, ее стали осваивать милоградские племена (см. карту).

Население страны будинов, согласно рассказу Геродота, состояло из трех этнических компонентов: гелонов, невов и собственно будинов. В связи с этим обращает на себя внимание трехсоставной характер земледельческой Скифии Левобережья, включавшей посульскую, поворсклинскую и северско-донецкую группу памятников. При этом поворсклинская группа представляет собой филиацию культуры Правобережной Скифии, т. е. эта группа памятников оставлена на Левобережье выходцами с Правобережья. По характеристике В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина, поворсклинская группа не только генетически связана с Правобережьем, но повторяет те же ступени развития, что и киевская группа памятников, только, в отличие от Правобережья, здесь все проще, беднее¹². Несколькими страницами выше названные исследователи характеризуют аналогичным образом (простая, архаичная, консервативная — с. 103) и волинскую группу памятников. Это позволяет мне высказать предположение о том, что поворсклинская группа памятников принадлежит в основной своей части неврам, переселившимся сюда в середине VI в. до н. э. из волинско-прикарпатского ареала. Сам по себе этот факт указывает, что бассейн Ворсклы является частью страны будинов, куда, согласно Геродоту, переселились невов. Северско-донецкую группу памятников следует отождествить с будинами (или будино-гелонами, как предлагает Б. А. Рыбаков, с. 164) на основании локализации их Геродотом в верхней части течения Танаиса — Северского Донца. Именно на этой территории расположена, согласно градусной сетке Птолемея, Бодинская гора. Посульская группа на основании сходства материальной культуры с северско-донецкой группой памятников также должна быть отнесена к будинам (или гелоно-будинам, как называет их Б. А. Рыбаков).

Проверим предложенную локализацию анализом данных Геродота о расположении меланхленов. Б. А. Рыбаков отождествил меланхленов с носителями среднедонской культуры, что целиком противоречит данным Геродота. Размещение меланхленов на среднем Дону исключает их из перечня народов, «огораживавших» Скифию с севера (§ 100, см. выше): невов, андрофаги, меланхлены. По схеме Б. А. Рыбакова они — восточные соседи савроматов (см. карту на с. 191 его книги). Между тем данный Геродотом (см. выше) порядок расположения соседних со Скифией племен — невов, андрофаги, меланхлены на севере, савроматы и будины на востоке — исключает предложенное Б. А. Рыбаковым размещение меланхленов «за пределами восточной стороны квадрата» (с. 118). О том, что меланхлены располагались у северной границы Скифии, свидетельствует и другое указание Геродота: страна меланхленов расположена на севере днепровского Левобережья выше владений царских скифов на юге, простиравшихся от Герра до Танаиса (§ 20), т. е. от Днепра до Северского Донца и Нижнего Дона. Наконец, сам отсчет расстояния в 20 дней пути до меланхленов от Черного моря в глубь хинтерланда (πρὸ θαλάσσης ἐς μεσότητα, § 101) свидетельствует о том, что их страна расположена севернее Скифии, поскольку расстояние до ее восточных соседей отсчитывалось Геродотом от озера Меотиды.

В свете приведенных данных Геродота о последовательности расположения северных (невов, андрофаги, меланхлены) и восточных (савроматы и будины, обитавшие по Танаису) соседей Скифии единственным археологическим эквивалентом меланхленов может быть юхновская

¹² Там же, с. 108.

культура, отданная Б. А. Рыбаковым будинам¹³. При таком отождествлении меланхлены-юхновцы в соответствии с указанием Геродота граничат на западе с андрофагами-милоградцами, а также с будинами, «огораживавшими» Скифию с северо-востока. Указанное галикарнассцем расстояние в 20 дней пути от Черного моря до меланхленов приходится на ареал юхновской культуры. Ничто не мешает видеть в носителях позднебронзовой марьяновско-бондарихинской культуры, «дожившей» до VII в., не протобудинцов, что предлагает Б. А. Рыбаков, а протомеланхленов, которые, согласно Геродоту (§ 107), жили по скифским обычаям и название которых является греческой калькой иранского *saudaratai* — «носящие черные одежды». Возможно, меланхлены были потомками сдвинувшегося к северу под давлением пришлых будинцов и гелонов марьяновско-бондарихинского населения, но равным образом вероятно и то, что последние были общими предками будинцов и меланхленов.

Идентификация меланхленов с юхновцами неизбежно предполагает отождествление милоградцев с андрофагами в соответствии с перечисленными Геродотом северными соседями Скифии. Кроме того, Геродот соотносил андрофагов на севере с живущими по Борисфену же на юге скифами *γεωργοί*. Правда, основной ареал милоградской культуры приходится на днепровское Правобережье, но и на Левобережье территория милоградцев значительна, тем более что отмечается их проникновение в зону юхновцев. Впрочем, локализация Геродотом андрофагов к востоку от Борисфена может указывать, в соотнесении с ареалом милоградской культуры, что в древности за верховья Борисфена принималась Припять.

Б. А. Рыбаков идентифицирует скифов-апостатов, отколовшихся от царских скифов, со скифской культурой воронежских курганов (с. 116—123). В перечне Геродота апостаты размещались после савроматов, будинцов, фиссагетов и иирков. Ученые нового времени локализовали эти народы на северо-востоке Европы и в Приуралье. По мнению Б. А. Рыбакова, заключительная часть § 22, где говорится об апостатах, должна быть помещена в конце § 21, поскольку размещение апостатов после фиссагетов и иирков предполагает их локализацию где-то на Среднем Урале, где никаких скифских древностей мы не знаем (с. 116—118). Путеводной нитью Б. А. Рыбакову служит § 20, «где говорится о соседстве царских скифов с меланхленами». Отложив от моря 700-километровую линию геродотовских 20 дней пути до меланхленов, Б. А. Рыбаков «достигает» воронежских курганов и ареала среднедонской культуры. Таким образом, последняя идентифицируется с меланхленами, а воронежские курганы — с апостатами. Б. А. Рыбаков при этом опирается на вывод Д. С. Раевского о том, что на одном сосуде из Частых курганов под Воронежем изображена генеалогическая легенда об Агафирсе, Гелоне и Скифе (с. 116—121).

Приведенные Б. А. Рыбаковым доказательства нельзя считать убедительными. Уже говорилось о том, что такая локализация меланхленов нарушает указанный Геродотом порядок размещения северных и восточных соседей Скифии. Конечно, исследователь имеет право считать иначе, но существенней другое: «путеводная нить» — § 20, «где говорится о соседстве царских скифов с меланхленами», — рвется по той причине, что Геродот говорит там о меланхленах как северных соседях царских скифов применительно к Левобережью Борисфена (точнее, речь идет не о соседстве, а о соотнесенности этих племен по линии север — юг), в пределах, ограниченных с востока для царских скифов Танаисом. Поэтому никакой территориальной связи между апостатами и меланхленами из указанного свидетельства Геродота не вытекает. Что же касается трактовки изображений на сосуде из Частых курганов, то из трех сцен только одна может иметь отношение к греческой

¹³ Догадку о связи меланхленов с юхновцами высказывали В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин (Указ. раб., с. 168, 184).

(не скифской!) легенде о происхождении скифов (предложение лука юноше). На двух других сценах фигурирует то же лицо, предлагавшее юноше лук. Его никак нельзя отождествить ни с Гераклом, атрибутом которого было не копье, а палица, ни тем более с Ехидной, которая, по легенде, и предлагала своим сыновьям лук для испытания. По-видимому, это сцена инвеституры скифского царя, судя по аналогичным изображениям на флорентийской амфоре и гаймановском сосуде ¹⁴.

Напротив, если принять отождествление будинов с посульской и северо-донецкой группами скифских памятников, указания Геродота без каких-либо дополнительных операций ложатся на карту археологических культур донского ареала: «Выше будинов к северу сначала идет пустыня на семь дней пути, после же пустыни, отклоняясь к востоку, живут фиссагеты... Рядом с ними в той же местности проживают те, которые называются иирками» (§ 22). Действительно, примерно в 250 км свободного пространства к северо-востоку от верховий Северского Донца находится территория культуры воронежских скифских курганов, рядом с которой располагается среднедонская культура. Отождествление культуры воронежских курганов с фиссагетами, а среднедонской — с иирками может найти подтверждение в указании Геродота на то, что впадающий в Тананис приток Сиргис (т. е. современный Дон) течет из земли фиссагетов (§ 123). Апостаты могут быть локализованы где-то в Заволжье или Приуралье.

Как видно, предложенные Б. А. Рыбаковым идентификации упоминаемых Геродотом народов с теми или иными археологическими культурами не бесспорны. Конечно, столь же дискуссионны и предложенные мною идентификации: эти вопросы долго еще будут служить предметом научных прений. Пока несомненно одно — методика тотального сопоставления этнографических сведений Геродота с археологическими культурами Скифии, впервые примененная Б. А. Рыбаковым на монографическом уровне, в значительной мере приближает нас к познанию реального положения вещей. Книга Б. А. Рыбакова окажет большое воздействие на дальнейшее исследование центральных проблем скифологии, в том числе и в методологическом плане.

¹⁴ Ср. *Алексеев А.* Сцена вручения лука на аттической амфоре VI в. до н. э. — *Сообщения Эрмитажа*, 1981, в. 46, с. 42.